

В. И. КОВАЛЬ

*г. Гомель, УО «Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины»*

ПРЕДМЕТЫ НАРОДНОГО ИСКУССТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН КАК НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

Статья посвящена анализу одного из видов невербальной коммуникации, представленной в двух предметах народного искусства, к которым относятся амулеты и рушники. В первом случае обращается внимание на символику составных частей амулета, совокупность которых интерпретируется как благопожелание; во втором случае архаичный орнамент ветковского рушника реконструируется как магический текст-заклинание, направленный на вызывание дождя.

Невербальная коммуникация представлена несколькими разновидностями, среди которых важное место занимает визуализация, то есть представление какой-либо информации в форме зрительного образа, содержание которого хорошо понятно и адресанту, и адресату. Следует при этом учитывать, что адекватное восприятие носителями той или иной культуры такой «скрытой», неявной информации неизменно должно опираться на понимание глубокой символической природы предметов народного искусства.

В монографии академика Б. А. Рыбакова «Язычество древней Руси» значительное место уделено «дешифровке» символики различных предметов материальной культуры, так или иначе отражающих языческое мировоззрение их создателей. Говоря, в частности, о русских курганных амулетах, содержащих в себе глубинный сакральный смысл, ученый называет их «языческими

письменами» и делает закономерное умозаключение: «Если отдельный предмет выражал какое-то единичное понятие, соответствующее слову в человеческой речи, то комплекс предметов представлял уже целую фразу».

Эту свою гипотетическую идею – о «развертывании» ритуализованного предмета в текст – Б. А. Рыбаков убедительно иллюстрирует, подробно анализируя носившийся на груди амулет-оберег, представляющий собой набор отдельных предметов:

«К полукруглой дужке на литых цепочках прикреплены следующие предметы: 1. Птица в спокойной позе (сидит в гнезде?); 2. Ложка; 3. Ложка; 4. Пилообразный предмет, являющийся, как показывают другие наборы, упрощенным изображением челюсти хищника; 5. Ключ. Наличие двух ложек сразу определяет, что мы имеем дело с двумя лицами, которым выражается пожелание быть сытыми. Ложка как символ сытости и шире – благосостояния вообще, хорошо известна в русском фольклоре. Амулет-талисман предназначался «молодым», двоим людям, вступающим в брак. Общеизвестно, что молодых женщин (даже замужних) часто хоронили в их свадебном уборе, во всей полноте узорочья

и оберегов. Свадьба, уход девушки из-под покровительства родного дома, своих дедов-предков в чужую семью жениха, всегда была обставлена бесчисленным количеством обрядов, заклинаний, особых деталей одежды. Вполне естественно подобные наборы амулетов необходимо расценивать не как украшение, а как овеществленное заклинание: «Будьте всегда сыты!» Птица очень часто является символом семьи. Недаром до наших дней бытуют выражения: «семейное гнездо», «она устраивает свое гнездышко», «свила гнездо» и т. п. Символика ключа элементарна: сохранность имущества новообразующейся семьи. Челюсть хищника тоже не вызывает сомнений. Еще в каменном веке люди носили в качестве амулетов просверленные зубы и когти хищников, которые должны были отгонять от человека всяческое зло. Все предметы данного набора выражают примерно следующую благожелательную фразу: *Да будет счастлива ваша семья! Будьте оба вы в сытости и благоденствии! Пусть неприкосновенным будет ваше имущество! И да разъедутся враги ваши!* Фактор времени, проекция добрых пожеланий в будущее тоже учтены мудрым мастером-«хранильником»: полукруглую дужку следует

рассматривать как схематичное изображение небосвода. Хорошо известные нам по многочисленным примерам три позиции солнца показаны и здесь: у основания дужки-небосвода помещены два колечка, аналогичные солнечным кругам семиллопастных. Третье – полдневное – кольцо помещено, как и следует, в высшей точке небосвода. Кольца ниже горизонтальной «земли» могут означать ночной ход солнца. Следовательно, ко всем добрым пожеланиям мы должны добавить еще: *И да будет так, пока солнце светит!* [1, с. 540–542].

Не менее показателен и другой пример «текстовости» предметов народного искусства – один из орнаментов рушника. Известный русский искусствовед и критик В. В. Стасов в книге «Русский народный орнамент» (СПб., 1872), составителем которой он являлся, прямо указывал на необходимость «текстового восприятия» народного орнамента: «Имеют ли какое-нибудь значение изображения наших вышивок? Не просто ли это продукт фантазии и произвольная игра в линии? Никогда. Орнаменты всех вообще новых народов идут из глубокой древности, а у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черточка тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений. Ряды орнаментистики – это связная речь, последовательная мелодия, имеющая свою основную причину и не назначенная для одних только глаз, а также и для ума и чувства [2, с. XVI] (выделено нами. – В. К.).

Основываясь на понимании семантики термина *текст* («сплетение, сочетание, связь»), П. В. Макогонов не без оснований полагает, что традиционный геометрический орнамент, создающийся именно путем плетения, является своеобразным текстом, который в условно-образной форме транслирует жизненно важную информацию [3, с. 7–9]. По мнению С. И. Валькевич, орнамент народной вышивки – это «сложная семиотическая система знаков и символов, имеющая оригинальный культурный язык, обладающая свойством межкультурной коммуникативности, в силу чего вышивка выступает как культурный текст, выражающий ее качественные проявления» [4, с. 27].

Смысловой реконструкцией древних славянских орнаментов давно и плодотворно занимается бывший директор, а ныне – заместитель директора по научной работе Ветковского музея старообрядчества и белорусских традиций имени Ф. Г. Шклярова Г. Г. Нечаева. Так, в одной из своих ранних работ Г. Г. Нечаева, подробно анализируя орнамент рушника, изготовленного в конце XIX века в деревне Яново

Ветковского района, убедительно иллюстрирует высказанную ею идею о том, что сам рушник является «примером трехъярусной модели мира». В нижнем («подземном») ярусе видны восьмиугольные фигуры с утроенными крестами, которые, по мнению исследователя, могут символизировать ушедшую в землю молнию – «Перунов огонь». «Небесный» ярус представлен большим ромбическим знаком с отростками, символизирующим цветущую землю, и тот факт, что земля-ромб расположена в небесном ярусе, подчеркивает ее Божественную сущность. В среднем («земном») ярусе можно рассмотреть человеческие фигуры, держащие в руках сосуды, напоминающие по форме кувшины. Зигзаги по обеим сторонам «человечьих» фигур являются знаками дождя – дождевых ручьев, текущих по земле. Исходя из мнения о том, что орнамент рушника не является статичным, Г. Г. Нечаева утверждает, что «рушник всегда скрывает в себе магический текст, передающий действие, которое должно происходить»; «в каждом узоре всегда имеется не только космологическая, но и ритуальная ось, в соответствии с которой должно происходить действие-обряд». Удвоение по вертикали, к небу человеческих фигур в центральном ярусе как раз и передает идею движения. Сказанное позволило Г. Г. Нечаевой реконструировать орнамент рассматриваемого рушника как ритуальное шествие женщин к женскому жертвеннику. Эта гипотеза усиливается двумя аргументами. Во-первых, в самом центре «небесного» ромба виден знак, который напоминает колодец – источник воды. Показательно, что этот знак был распознан как «свой» членами китайской делегации, посетившей в свое время Ветковский музей. Внимательно выслушав рассказ о символике данного орнамента, китайцы подтвердили, что эта фигура реально напоминает китайский иероглиф 井 (дзин), имеющий значение 'колодец'. Во-вторых, одним из способов магического вызывания дождя на Полесье было бросание в колодец глиняных горшков [5, с. 107], и это позволяет предположить, что сосуды-кувшины в руках у женщин-участниц магического шествия могут быть охарактеризованы как ритуальные предметы, предназначенные именно для бросания в колодец с целью вызывания дождя. «И тогда, – делает вывод-обобщение Г. Г. Нечаева, – рушник ожил, мы его увидели по-новому. Вот жрицы, или, как у нас говорят, волхвини, в ритуальном шествии подходят к сакральному месту и приносят жертву ... колодцу. Это насквозь знаковый акт – одновременно и движение волхвинь в небесный ярус, и их обращение со знаковым действием к богине. Тогда зигзаг выткан не только для того, чтобы обозначить наш земной ярус. Это – ответ неба на моление».

Свою реконструкцию орнамента рушника из деревни Яново Ветковского района Г. Г. Нечаева представила в виде магического текста – заклинания, которое могли исполнять в виде песни участницы обряда вызывания дождя и которое она назвала «попыткой поэтического перевода с языка орнамента»: *Тут, праміж двух нябёсаў,/ Наша ніва ссыхае.../ Вось мы ідем, нясем,/ Чыстае слова мовім / І аб дажджы цябе молім./ Змілуйся, усплач над намі,/ Маці з душой-калодзежам, – / Усякага ты напоіш,/ Усякага ты абмыеш.../ Вось мы ідем, нясем,/ Чыстыя, як і ноша / Наша святая... Божа,/ Поўнае, як сасуды / Гэтыя, каб паўсюды / Нашае – адазвалася.../ Дажджу! / Даждзем – / Даждаліся!* [6]. Без сомнения, наши далекие (и не очень далекие) предки, будучи в массе своей неграмотными или малограмотными, могли, тем не менее, без затруднений не только «декодировать» сложную символику народных орнаментов, но и «читать» их как своеобразный текст, заключающий в себе различные пожелания или заклинания. Приведенные примеры являются лишь двумя частными случаями, иллюстрирующими уходящую в глубокую древность богатейшую традицию отражения в различных предметах народного искусства сакрального смысла, представленного как текст.

Список использованной литературы и источников

- 1 Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Изд-во «Наука», 1987. – 784 с.
- 2 Русский народный орнамент. Выпуск первый. Шитье, ткани, кружева. С объяснительным текстом В. Стасова. – СПб. : Издание общества поощрения художников, 1871. – XX с. + 27 с., илл.
- 3 Макагонов, П. В. Русский традиционный орнамент как знаковая система / П. В. Макагонов. – Тверь : ТГУ, 2014. – 76 с.
- 4 Валькевич, С. И. Русская народная вышивка как феномен культуры (На примере Севера и Центра европейской части России): дис. ... доктора культурологии. 24.00.01 – теория и история культуры / С. И. Валькевич. – Иваново, 2019. – 427 с.
- 5 Толстая, С. М. Дождь / С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1999. – С. 106–111.
- 6 Нячаева, Г. Р. Маленне аб дажджы / Г. Р. Нячаева // Мастацтва. – № 4. – 1997 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: [https : // vetka-museum.by / ab-muzei / publikatsyi-supratsounika/malenne-ab-dazhdzhy.html](https://vetka-museum.by/ab-muzei/publikatsyi-supratsounika/malenne-ab-dazhdzhy.html). Дата доступу: 20.03.2020.

The article is devoted to the analysis of one of the types of nonverbal communication presented in two objects of folk art, which include amulets and towels. In the first case, attention is drawn to the symbolism of the components of the amulet, the totality of which is interpreted as benevolence; in the second case, the archaic ornament of the Vetka towel is reconstructed as a magical text-a spell aimed at causing rain.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ